Ирина
Лобусова
Флер
Д'Оранж
Сердце
Замка
Maple
E-Publishing

Ирина Лобусова
Флер Д'Оранж: Сердце Замка

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6132809
Лобусова И. Флер Д'Оранж: Сердце Замка: Max E-Publishing; 2013
ISBN 978-0-9892351-1-2

Аннотация

О древнем замке в сердце Карпат слагают легенды. Но никто не знает о том, почему деревню в горах называют проклятой дьяволом. Никто из жителей не войдет в поселок с наступлением темноты… Местные жители верят, что на поселке рядом с древним замком лежит проклятие.

Древние легенды рассказывают о прекрасной, но кровавой земле. Возле замка хранится зло, а проклятие является таким же реальным, как и странные белые цветы, растущие на дне каньона. Никто никогда не видел таких цветов: мертвых снаружи, но внутри – полных жизни. Вместо любопытства загадка природы внушает ужас. В древние, еще языческие времена девушки вплетали белые цветы в волосы, готовясь к своей свадьбе. С тех пор прошло много веков, и обычай этот внушает ужас. Никто из девушек не осмелится сорвать такой белый цветок, спуститься в каньон. Совершить подобное– означает приговорить себя к неизвестной, но мучительной смерти. Местные жители объясняют это проклятием – но, возможно, существует какое-то

другое объяснение? И что на самом деле происходит в деревне? Что скрывает тайна, покрытая ужасом?

Действие разворачивается в небольшом туристическом городе посреди гор, с развалинами средневекового замка (превращенного в современный музей). Журналистка одного из крупных телеканалов получает странное письмо. Неизвестный корреспондент пишет о загадочных убийствах и смертях, которые происходят в поселке (известном туристическом центре), о проклятии каньона и предлагает ей заняться этой историей. В письме изложены очень странные факты. Неизвестный автор предлагает заняться расследованием страшных происшествий и начать с загадочного исчезновения директора музея Виктора Алексеева.

Содержание

1 6
2 27
3 43
4 66
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Ирина Лобусова
Флер Д'Оранж:
Сердце Замка

© Ирина Лобусова, 2013
© Irina Lobusova, 2013
Max E-Publishing
2252 Keylon Dr.,West Bloomfield, MI 48324
Телефон +1 (248) 366-8311
Факс +1 (775) 542-2405
http://www.maxepublishing.com
http://www.maxepublishing.ru
Max E-Publishing – торговый знак компании Innovation Systems, Inc.
Все права защищены.

Ни одна часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в какой-либо форме или какими-либо средствами, включая электронные, механические, фотокопирование, запись или другие, без письменного разрешения издателя. За информацией о получении разрешения на перепечатку или цитирование обращайтесь по адресу 001@comcast.net.

1

Я лежала на самом краю обрыва. На моих губах был бензин. Я очень долго ощущала его отвратительный горький привкус. Наверное, именно из-за этого мерзкого вкуса я и пришла в себя. Впрочем, я плохо помню, как открыла глаза. Сразу был только вкус. И еще – край обрыва. Щеку ранило острой, похожей на камыши или осоку, травой. Было что-то общее с крапивой, если б не острые, зауженные кверху края, от губ до глазниц распоровшие мою щеку. Сначала я решила, что боль от крапивы – возможно, я коснулась ядовитого растения лицом, но, скорее всего, это было просто моим возвращением к жизни. На острых краях растения оставалась плотная корка засохшей крови. Засохшей крови… Очевидно, здесь я лежала давно. И все-таки… все-таки эта трава не была крапивой! Я совершенно не разбиралась в травах.

Рядом был обрыв. Очень близко, можно было протянуть руку над пропастью. Сильно несло дымом. Справа догорал бок нашего «форда». Теперь это была груда искореженных, черных железных костей, выплескивающих в воздух порции черного дыма. Груда обгоревшего бесполезного металлолома, вспыхнувшая сразу же во время взрыва. Я не знала сколько времени прошло, сколько догорал черный остов. Все, что я могла – только радоваться, что в мою сторону не долетают искры. Я помнила, сколько вылилось бензина. Очевидно, так

произошло, когда мы летели в каньон. Острый запах вызывал рвотные позывы. Я совершенно не помнила взрыв.

Взрыв. То, что произошло, могло выглядеть так только со стороны. На самом деле все обстояло иначе. И правда заключается в том, что произошедший взрыв был моим приговором. Я убила человека. И, если я останусь жить, меня обвинят в убийстве. Рассудок четко сформулировал эту мысль. Я воспринимала ее на физическом уровне почти как реальное существо… Я совершила убийство. Сегодня я убила человека. Убила точно так же, как если бы на глазах у толпы выстрелила в него из пистолета или задушила – своими собственными руками. Боль… Сквозь боль хоть как-то можно воспринять эту реальность, заключенную всего в двух словах: выхода нет.

Интересно, сколько мне дадут? Лет пятнадцать? Может, если денег хватит на хорошего адвоката, и десять? Если кто-то вытащит меня отсюда, на «пожизненное» я точно не потяну… Впрочем, возможно, я уже отсюда не выйду. Вернее, не выползу. Скорей всего, меня добьют сразу, и если они так поступят, то, честное слово, я их пойму. Представляю себе суд: психопатка в инвалидном кресле! Да посмотреть на это зрелище сбегутся жители всех стран! «Известная журналистка оказалась убийцей…» – глупые заголовки газет… Наверное, бесплатная реклама имени – не так уж плохо. «Встать, суд идет!» – и я, в инвалидном кресле… тьфу, Господи! Если все это повод для шуток – значит, дела мои совсем плохи.

Хуже просто не бывает. Значит, я останусь жить, и мне дадут целых пятнадцать лет…

Запах гари доносился волнами, изредка накрывая с головой плотным облаком невыносимой вони. Боль тоже накатывала приливом – то есть, то ее нет. Каньон. Мертвые цветы. Мои мертвые цветы, которые снились по ночам столько времени! Белые цветы снятся к убийству. К смерти. Теперь я знаю это точно.

Автомобильная катастрофа. Так подумает любой досужий сплетник, если случайно забредет сюда со стороны дороги. Очередное ДТП? Ничего подобного! Самое натуральное убийство! Я никого не хотела убивать, но этого человека… Существуют свидетели. Сколько их было, в той комнате? А сколько было тех комнат? Одна или две? Оленьи рога и столы для бильярда, и еще такая забавная лампа в виде охотничьей винтовки… Они все расскажут… Ни о чем не станут молчать. Кажется, падая, я повредила не только тело. Я повредила рассудок. И это мой рассудок теперь разговаривает обвиняющим вторым голосом, нахально разделяясь на множество голосов… Можно подумать, мне есть до него дело! Я и без этого уже успела себя обвинить. И не только сама себя. Разумеется, в этом списке сразу же прибавятся другие. Другие. Свидетели. Сколько их было? Зачем я разговаривала с ними? Зачем?

Холод… Холод в глазах… Я еще подумала тогда, что в душный июльский вечер холод в глазах – не так уж плохо,

что – то типа вентиляции! Я еще могла думать.

– Зачем ты впутываешь во все это постороннего человека? Ты хоть понимаешь, что обрекаешь его на смерть?

– А кого я должна впутывать? Тебя? Может, тех, кто в соседней комнате? Каждого, кто сюда приехал? Ты думаешь, я сразу не поняла, что ни один из вас не тронется с места, чтобы отвезти меня в каньон? Привыкли прятаться за чужой спиной, так и будете сидеть всю жизнь в тепле, на чужой шее… Стая! Стая стервятников! Не двинетесь с места, так посмакуете мою смерть!

– Не сходи с ума!

– Уже давно сошла! Во мне нет ни капли рассудка! Как ты думаешь, если бы он был, я бы разговаривала сейчас с тобой, здесь?

Тогда я ошибалась. Рассудок был. Еще какой! Способный на длинные обвинительные лекции! Чтобы узнать это, мне нужно было пережить взрыв… Так. Мое психическое состояние можно оставить в стороне. Что же было потом?

– Ну хорошо, почему именно он?

– А ты сам как думаешь? Во-первых, из местных жителей он здесь в единственном экземпляре! А во-вторых, у него есть машина. И на этой машине он отвезет меня в каньон.

– Он будет знать, зачем?

– Думаю, нет. Конечно, нет! Я не такая сумасшедшая, как ты думаешь! Он будет твердо уверен в том, что я просто хочу снять окрестности для мистической телевизионной пере-

дачи. Это, собственно, все, что ему полагается знать.

– Ты хоть понимаешь, что если ты ведешь человека в пекло, не предупредив об опасности, то будешь ответственна за его смерть?

– Не говори глупостей! Это даже хорошо, что в машине нас будет двое. И если там, в каньоне, меня собираются убить, я постараюсь сделать все так, чтобы убили его, а не меня. Я подставлю его на свое место! И если его убьют, значит, такая у него судьба. Так и будет! Уж поверь, я не стану оплакивать его смерть!

– Ты страшная…

– Знаешь, я прошла слишком тяжелый путь, чтобы теперь, в конце этого пути, думать о пустых сантиментах. И я слишком многое поставила на карту. Можно сказать, все. И если я не привезу доказательства из каньона, для меня ничего уже не будет. Можно сказать, меня не будет тоже! Это мой последний шанс. Другого у меня нет. Поэтому мне все равно. Умрет он, не умрет – какое значение это может иметь? Какое значение имеет жизнь его, и таких, как он? Таких миллионы… Я достану доказательства во что бы то ни стало! И если ради этого мне нужно будет послать на смерть этого человека – я пошлю его на смерть! И не надо смотреть на меня такими глазами! Ты заложил бы душу дьяволу, только чтобы оказаться на моем месте! Но ты на нем не окажешься, не беспокойся! Об этом я точно позабочусь!

– Ты ошибаешься. Я не претендую на твое место – ни в

эфирное время, ни в жизни. Почему ты везде ищешь врагов?

– Хочешь сказать, что я не права? Тогда зачем ты приехал сюда со мной? Твоя поездка была не обязательна. Просто ты уже знал, что я веду расследование, и что съемки мистической передачи – только повод…

– Я приехал по многим причинам. И про одну из них я уже говорил. Вторая: все-таки я – директор съемочной группы, и я отвечаю за людей. И третья: я хочу тебя удержать. Если не от глупостей, то хотя бы, от убийства.

– Вот как ты это называешь?

– Возможно.

– Не удержишь! И можешь отправляться обратно!

– Хорошо, тебя невозможно успокоить – с этим я согласен. Но я могу хотя бы обезопасить от тебя людей, за которых я отвечаю, и не дать тебе повод погубить кого-то из них!

– Значит, это именно ты уговорил их со мною не ездить, да? Я догадывалась! Вернее, так и думала! Как только ты сказал, что поедешь со мной, я сразу поняла, что попаду в ловушку. И ты мне заранее подстроил эту ловушку, не так ли? Постарался! Чтобы я не могла сдвинуться с места, чтобы никаким способом мне не удалось уехать с турбазы, выбраться из этого глухого угла? Но ты просчитался! Ты не принял в расчет две вещи: мою волю и то, что в бар турбазы заходят местные жители. И один из этих местных жителей отвезет меня в каньон потому, что я умею воспользоваться ситуацией! А ты не посмеешь запереть меня на ключ!

– Я не собирался тебя запирать. Просто я знаю, насколько далеко ты зашла. И знаю, что в каньоне тебя ждет смерть.

– Не меня! А того человека, которого я потащу за собой!

– Опомнись! Что же ты делаешь!

– Я достану доказательства любой ценой. Ты никогда меня не остановишь.

– Если с этим человеком что-то случится, я сделаю все, чтобы тебя обвинили в непредумышленном убийстве! Я сделаю так, что ты ответишь за его смерть!

– Прочь с моей дороги, идиот!

– Пожалуйста, подумай, хоть немного…

– Убирайся!

Кажется, я действительно отпихнула его с порога, больно толкнув в грудь. И даже захлопнув дверь перед его носом. Отвратительное поведение! Ничего не скажешь… Оленьи рога… Несколько столов для бильярда… И еще лампа над стойкой бара. Этот глупый разговор не значил ничего. Я твердо знала в тот момент: когда я приеду из каньона, мое будущее будет обеспечено. И на паршивенький телеканал (я и затеяла все это, чтобы справиться с собственной ненавистью, обретая хоть какое-то подобие спокойствия) уже никогда (и поможет мне хоть Бог, хоть Дьявол!), никогда не вернусь! Я преступила порог и вышла к своей жертве. Не оглядываясь назад… Но, так не бывает. Всегда приходится оглядываться. Наверное, самое время думать, захлебываясь болью и страхом… Думать на грани жизни и смерти, глотая

кровь и гарь…

В середине каньона (именно там, где все произошло) подсыхали белые цветы самого невероятного вида. Таких мне никогда не приходилось встречать. Внешне они были похожи на белые цветы флер д' оранжа, сорванные с апельсиновых деревьев. Цветы свадьбы, и одновременно – цветы смерти…

Мы лежали в самой сердцевине каньона – на поляне, за которой был глубокий обрыв. Я запомнила это еще по карте. Карту мы смотрели буквально за несколько минут до взрыва. Сверху было шоссе, спрятанное среди камней. Мы должны были найти дорогу до темноты. Помню, мы искали ее, спрятанную серой ядовитой змеей среди желтых камней, почему-то похожих на человеческие лица. Я узнавала в каждом камне лица знакомых, родственников, друзей и врагов. Так было, когда желтый и плоский солнечный диск выливал на нас щедрые порции раскаленного чужого июля. И, скорее всего, это все было от жары, но я просто ощущала себя в сердцевине какого-то чудовищного зверинца, где так бодро моргали мертвые, не видящие глазницы камней. Потому, что казалось – вместо камней были люди.

И еще потому, что приближался каньон. Я чувствовала это всем своим существом. Точно так же, как капли пота и плотный слой непонятной на вид мошкары, со всех сторон облепившей мои руки. Жара была невыносимой, поэтому мы открыли все окна в салон, но это помогло только тем, что

в образовавшиеся отверстия сразу же хлынули черные тучи насекомых. Впрочем, выхода все равно не было. Вдобавок, меня жутко тошнило от жары, бензина, неправильной укладки камней, чудовищной дороги, плохих мыслей, от того, что на каждом повороте машина буксует, от того, что среди желтых камней ни единой живой души. И, скорей всего, до каньона еще один день пути, и какая-то чудовищная, разлившаяся по всему телу немота, сплошным белым облаком сковавшая мои ноги и руки.

И еще, разумеется, тишина, нарушаемая скользящими по камням протекторами шин. И, похожий на топленное масло, раскаленный июльский воздух. И, ощущение страха в тишине. Ужаса от того, что до каньона совсем близко.

Там, в салоне машины, я впервые поняла, насколько боялась именно такого пути. Все внутри цепенело, как бывает от лживых заверений человека, которому веришь. Собственно, я ему не лгала – говорила, что мне хотелось только снять каньон, – несколько кадров, минимум час, совершенно мало работы, – и вернуться обратно в город до темноты. Этому способствовало такое «замечательное» обстоятельство, как багажник форда, полный канистрами с бензином. Вся моя съемочная группа осталась на базе. Я обещала вернуться до темноты, зная прекрасно, что мне не верит ни один человек, как не верила я сама в свое скорое и счастливое возвращение. Так, в салоне машины я впервые поняла, что делаю что-то не то… Дело было не в рассказанных про каньон ужасах.

Впервые я увидела его на случайно попавшей ко мне дискете, уже после того, как получила письмо. С этой дискеты получилось сделать качественную распечатку. Там был перевод текста, но мне почему-то не верилось в эту приоткрытую моим глазам древность.

Текст был бредом – сплошным повторением про какие-то белые цветы, высохшим белым цветом раскрывавшие мертвые при жизни души. Души, слухи, мистика – все это смотрелось очень даже смешно с плоского экрана современного монитора, если б не одна деталь… Длинный обруч на фотографии каньона (прямо над самим каньоном), похожий на что-то, что я уже видела прежде, и оставляющий какое-то странное ощущение в душе… Ощущение, которое я не могла объяснить. Только позже, уже отдав дискету обратно в архив, сквозь бесконечную череду моих мыслей об этом месте, я вдруг поняла: длинный обруч был огромным солнечным диском. Солнцем, меняющим не только форму, но и цвет.

Это был солнечный диск, похожий на вогнутую монету с расплавленными краями, словно диковинная, пришедшая не с земли брошь. Мне тогда удалось переписать этот странный файл, но дело было не в солнце и не в белых цветах. Снимки каньона были чем-то, что я уже видела прежде. Возможно, в своих снах. Так болеют только тем, что приходит ниоткуда. Из приоткрывшейся глубины… Так в бесконечную мертвую ночь внезапно ниоткуда приходит надежда. Надежда, которую совсем не ждешь. Но она приходит. Без всяких объясне-

ний и смыслов. Наверное, именно так и пришел ко мне этот каньон.

Древний текст был о том, что на дне каньона в языческие времена был когда-то Храм Солнца. В Средневековье на дне каньона на поляне сжигали ведьм. Во времена инквизиции скалы были черны от разложенных в нем костров. Женщины от мала до велика из всех окрестных земель были уничтожены там. Во время второй мировой войны там совершали массовые расстрелы фашисты. Там же, поблизости, фашисты выжгли и вырезали целую деревню, которую позже никто так и не восстановил. А несколько лет назад, в современности, местность, связанную с каньоном, потряс новый и страшный скандал. Именно там покончили с собой члены какой-то тоталитарной секты, совершив массовое самосожжение. До этого секта собиралась в тех местах для своих ритуалов, во время которых они приносили человеческие жертвы из числа случайных прохожих, бродящих возле каньона с наступлением темноты. Жертв – людей! – живьем закапывали в землю.

Следствием (после массового самоубийства, когда все это удалось раскрыть) было выявлено, что сектанты успели закопать живыми в землю около двадцати человек. С тех пор, хотя больше никаких сект в каньоне не было, ни один человек не посмел бы появиться в тех местах с наступлением темноты – даже во время яркого белого дня ни один из местных, ни за какие деньги. Непонятные вещи (то есть те, которые

нельзя было объяснить) продолжали происходить и по сей день. Исчезали случайно попавшие в каньон бомжи. Местные жители видели бесконечные толпы призраков… Впрочем, призраки появлялись и в окрестностях самой деревни, и возле небольшого городка поблизости. Наблюдали их, по всей видимости те, кто был славен на всю округу производством качественного дешевого самогона.

Советская власть попыталась бороться с предрассудками местных жителей, разбив на месте каньона фруктовый сад. Саженцы принялись. Все было хорошо. Но, прошло лишь несколько месяцев, как все деревья погибли. И вместо цветущего фруктового сада осталось целое кладбище черных мертвых деревьев – настоящий лес ужасов. Мертвые деревья убрали за одну ночь. Больше никто уже не пытался приблизиться к каньону. Власти оставили все попытки отвратить местных жителей от суеверий.

Дальше текст шел в таком же духе, постепенно смешиваясь в какую-то невообразимую муть! И завершалось все это перепечатками сплетен и легенд из центральных газет, а так же безграмотными домыслами провинциальных журналистов.

Еще за несколько дней до того, как взяла в архиве диск, где была собрана вся информация про каньон, я ничего не знала ни о самогоне местных жителей, ни о слухах и сплетнях, ни о ведьмах и глупых ужасах, от которых веяло дешевизной некачественной кинопродукции. Словно повторя-

ющийся «ужастик» самого низкого качества (такой гадости полно у любого лотка в каждом переходе метро). Я ничего не знала о каньоне. И, возможно, не узнала бы о нем никогда. Нет, очевидно, все было предопределено заранее, и на моем жизненном пути должен был четко обозначиться путь в каньон. Позже, уже заказав в архиве диск с видами местности и обрывочной информацией, я поняла, что на самом деле многие знали про это место. Как про место зла на планете, известное людям, бороться с которым нельзя.

Потом меня заинтересовали карпатские легенды. Помню, как долго думала о мрачном и прекрасном колорите этой земли. Тогда я еще не повторяла слово «проклятие». Проклятие пришло потом. Я погибну и опять заговорят о проклятии. Тогда оживут мрачные легенды этой земли… Я все время чувствую их за спиной. Как будто здесь за тобой следят тысячи глаз. Местные жители любят рассказывать до сих пор, что каждый клочок этой земли был покрыт кровью. Сумеречная грань границы, горы между Трансильванией и Карпатами накладывают свой отпечаток на все. Трансильвании уже нет. Только мало кто помнит об этом. Жители этой земли верят во зло так, как не верит никто на земле. Посреди сказки лесов, гор и рек странно слышать об этом. На самом деле, нет наверное, более загадочного, и в то же время, более красивого места на всей земле. И, говорят, именно близость зла придает ему особую прелесть.

Про кровь – правда. Давным-давно. Я сама слышала об

этом. Это было в те сумеречные, тяжелые годы, когда черной тенью беды была покрыта половина этой земли. Среди лесов и чистых рек были полонины, где горы трупов покрывали даже самый крошечный кусочек земли. А от крови не различить было даже травинки. Нашествие варваров было реальной угрозой существованию в этих землях людей. Адские всадники на черных конях с искривленными турецкими ятаганами пронеслись по прекрасной земле черным вихрем смерти и огня, уничтожая и даря смерть под зеленым знаменем пророка. За горные вершины и широкие поляны янычары Османской империи сражались не на жизнь – на смерть. И смерть встречая в лицо, встали грудью на защиту родной земли местные воины. Говорят, после таких битв в живых не оставался никто. И из поколения в поколение передавались рассказы о том, как после таких побоищ люди ходили в крови по щиколотку. Крови было так много, что ее отказывалась впитывать земля. Уже не могла впитать … Именно тогда пошло предание о том, что земля эта проклята.

Может быть, в те мрачные времена и возникла одна из самых пугающих легенд Карпат. Рассказывают о том, что однажды Бог победил Дьявола. Схватка была смертельной и победу одержал Бог. Чтобы не допустить темного царства зла на земле, он решил наказать своего противника. Спрятать его с глаз людей, чтоб забыли о нем вероломные людские сердца, падкие на всякую лживую истину. И заточил Бог дья-

вола под землей, а печатью поставил нерушимые горы. Бился, бился под землей Дьявол, рвался изо всех сил. И там, где бился он, горы раскалывались, возникали пропасти и ущелья, а на широких, ровных полонинах – горные каньоны и холмы. И стала неровной, изрезанной поверхность земли, и раскололись нерушимые твердыни… Горы стали рваной цепью, беспорядочно рассыпанной среди лесов. Так возникли карпатские горы. Это – конец официальной части легенды, но существует еще одна часть. Послесловие.

Я услышала ее впервые в маленьком городке – поселке рядом с Замком. И звучала она так: бился, бился Дьявол под землей, а потом затих на много веков. И забыл о нем Бог, полагая врага своего поверженным. Но Дьявол не прекратил думать о том, чтобы вырваться из-под земли, и однажды, когда внимание Бога было чем-то отвлечено, вырвался наружу из горной пропасти. Обманул Бога. И местом, где Дьявол сломал Божью печать, стал тот самый проклятый каньон. А невероятные белые цветы выросли в тех местах, где из-под земли цеплялись длинные острые когти Дьявола. Как насмешка над самым святым – над любовью и жизнью.

Продолжение легенды местный фольклор облачает дополнительным ужасом все, что связано с каньоном. Местные жители свято верят в конец легенды, а от того даже не делают попыток хоть как-то приблизиться к тайне каньона. Впрочем, замки в Карпатах пугают не меньше. Именно с замками связана древняя легенда о прародителе зла, об отце всего

зла, о существе, в чем-то равном самому Дьяволу.

Рассказывают о прекрасном замке на вершине горы, обнесенном неприступными стенами. Высоко над землей стояла величественная цитадель из нерушимого серого камня. Говорили, что замок сложен был из осколков гранитной скалы, и что не было по твердости и прочности камню этому равных. Правил замком местный князь – справедливый и могущественный правитель. Люди любили его: хозяином был строгим, но справедливым, в обиду никого не давал, дарами природы и богатствами с людьми делился щедро, помогал нищим и больным, и никого не обижал без надобности. Край тот слыл очень богатым: в густых лесах водились невиданные звери с ценными мехами, в реках было изобилие рыбы, поля были плодородными и щедрыми, климат теплым и мягким. А в горах родились драгоценные камни цены небывалой.

Слава о замке и его властителе ширилась по всей земле. Такое богатство и благополучие не могло не вызывать зависти, и однажды на страну напали сарацины. Войско сарацинского короля вытаптывало поля, убивало мирных крестьян и вскоре, оставляя за собой только выжженную черную землю, подошло к замку. Сердце местного князя затопило болью и горечью от несправедливой обиды. И, собрав могущественную армию, поклялся он жестоко отомстить обидчикам родной земли, воевать с сарацинами до самой смерти. Войско князя разбило армию неприятеля, осаждавшую замок, и вторглось в страну сарацинов, чтобы добить уже поверже-

ного врага. Разгром был полным. Сарацины получили жестокий урок, который должен был надолго отбить у них охоту вторгаться в земли князя. В походе была захвачена богатая добыча и множество пленников.

Одним из пленников был младший сын сарацинского короля – красивый и смелый юноша, принимавший участие в военном походе. Зная его ранг, князь отделил пленника от остальных, чтобы придать позорной смерти на глазах своего народа. Вскоре в замок проникли счастливые вести: армия князя, победив врагов, с триумфом возвращается назад. Единственная дочь князя, молодая и красивая девушка, вместе со знатными вельможами в замке встречала армию отца. Вот уже военные отряды промаршировали по площади замка. Вот уже огромные возы с добычей скрылись за дверями сокровищницы. Вот уже прогнали пленных – женщин и детей, захваченных в сарацинском походе. Вот уже вдалеке показался величественный силуэт отца на его боевом верном коне, когда… Перед князем пленники тащили клетку. А в клетке был сарацинский принц. Гордо, с мужественным лицом встречал он крики и издевательства толпы.

И когда княжна встретилась глазами с ним, сердце ее замерло сладко и мучительно. Она так мечтала встретить свою любовь, но даже не знала о том, что любовь бывает не только счастьем, но и непосильным горем. А сарацинский принц вздрогнул всем телом, но не отвел глаз. Не любовь поразила их обоих в тот момент, а черная беда и страшное горе. Княж-

на, единственная дочь своего отца, полюбила врага. Полюбила внезапно и отчаянно. До конца жизни.

Сарацинского принца заперли в глухом каземате, а отец в честь победы устроил великий пир. Во время пира княжна тихонько вытащила у отца ключ от каземата. Казнь принца должна была состояться через неделю, в местный религиозный праздник. В ночь после пира принцесса встретилась в казематах лицом к лицу со своей любовью. Молодые люди отчаянно полюбили друг друга, но у них оставалось только шесть ночей. Сарацинский король предложил невероятный по размеру выкуп за жизнь сына, но князь отверг его с презрением. Всей силой души он жаждал крови врага. Княжна не могла даже заикнуться о том, в кого она посмела влюбиться. Через три дня после пира отец сообщил девушке, что подобрал ей хорошего жениха и желает, чтобы свадьба состоялась скорее. Это известие едва не убило несчастную. И на пятую ночь влюбленные бежали из замка. Выследила их старая служанка, приставленная к княжне, и бросилась к князю.

Разъяренный князь сам, вместе с несколькими верными стражниками, бросился в погоню. И настиг влюбленных. Ударом меча князь снес голову с плеч принцу. А дочь связал и увез обратно в замок. Там, в замке, он отвел ее в самые дальние покои и собственноручно замуровал в каменной стене заживо. Это была чудовищная, страшная смерть. Князь укладывал камень за камнем, несмотря на слезы и мольбы дочери. В это время Дьявол, настоящий хозяин этих

земель, обследовал свою территорию. Князь давно раздражал его своей добропорядочной жизнью. Увидев, как черные чувства затапливают князя с головой, Дьявол возликовал. Едва последний камень был уложен в страшную могилу княжны, Дьявол забрал душу князя. Но Бог не пожелал отдать эту душу Дьяволу безраздельно! Преступление князя должно было быть наказано по божеским законам. И вверг Бог душу князя в вечное проклятие – состояние между жизнью и смертью, обрек вечно страдать в поисках вечного успокоения и прощения. И позволил Бог Дьяволу сделать князя своим черным слугой – с тем, чтобы никогда не прекращались страдания проклятой души, чтобы проклятая душа никогда не нашла прощения. Так стал и замок проклятым из-за страшной тайны, хранящейся в его стенах. Замок стал мрачен и безлюден. Люди стали избегать селиться в этих сумрачных местах и богатый край начал приходить в запустение. И сковала край тот лютая зима со снегами и морозами. И застыла льдом бывшая цитадель.

А тень князя осталась бродить в замке. Каждую ночь, рыдая, эта проклятая тень бродит в окрестностях замка в поисках человека, которого просит найти могильник дочери и вымолить для него прощение. Сам указать место, где он замуровал дочь в стену, не может – это является частью проклятия. А найти это место невозможно, оно заколдовано навсегда. Никто не может к нему приблизиться. Когда человек, поддавшийся на мольбы или посулы проклятой души, не на-

ходит заколдованного места, душа князя приходит в ярость и уничтожает человека страшной, мучительной смертью. От того лучше не приближаться к проклятому замку с наступлением вечера, и ни в коем случае не оставаться на ночлег в его стенах.

Самым интересным в легенде является только одно: не известно точно, какой именно замок является проклятым! Это может быть любой замок, даже самый обычный музей. По преданию неизвестность является частью наложенного на замок проклятия. Днем замок может ничем не отличаться от остальных и принимать в свои стены людей. А вот с наступлением темноты он может меняться… Поэтому следует относиться с опаской к любому замку посреди этих гор – любой из них может быть проклятым.

Местные жители относятся к этой легенде с особым значением и никто никогда не задержится за крепостными замковыми стенами с наступлением темноты. Очень многие, кстати, считали проклятым замок, отреставрированный Виктором Алексеевым.

Легенда же «обросла» новыми сведениями в веках. Многие серьезно считают, что проклятый князь чем-то идентичен знаменитому Дракуле. Не как вампир (вампиры – привилегия Трансильвании), а как родоначальник темных сил зла, князь Темного легиона воинств Сатаны, опутавший прочными черными сетями эту землю. Кстати, в Карпатах вампиров называют проклятыми душами, и верят, что вампиром мо-

жет стать человек, совершивший какое-то очень страшное преступление, и не получивший за него прощения. Но вампиров почему-то не связывают с каньоном. Здесь свято верят, что вампиры по ночам лазят по стенам и даже могут постучать в форточку, но каньон для них – слишком глубоко. Вампиры мелки для каньона. Каньон – дело рук прямиком Дьявола, и от этого (иногда) мороз по коже, как и от этих легенд. Слушая их (несколько дней назад, а кажется – уже прошло несколько веков!) я не задумывалась о том, что… Только вогнутый солнечный диск и боль. И за солнечными лучами, где-то там, далеко – далеко, серые мрачные стены проклятого замка…

2

Все началось очень просто. Так избито, почти без всякой фантазии. Был самый обыкновенный день. В студии я ждала, когда освободится монтажная. Передача была почти готова, мне осталось отмонтировать крохотный кусочек, минут на десять эфира, для которого я давным-давно сделала раскадровку. Я всегда делала черновую раскадровку сама, никому особенно не доверяя. Мне казалось, что если хоть в чем-то я стану полагаться на других больше, чем на саму себя, то пожалеть потом придется именно мне и, наверняка, пожалеть горько.

Работы было мало. Большая половина моей съемочной группы занималась мелкими текущими делами, а меньшая откровенно бездельничала, стараясь не попадаться на глаза начальству. Ко мне подошла моя редакторша – Света (из большей половины, занятой делами). Девчонка после института, она работала со мной второй месяц и ее работа мне нравилась гораздо больше, чем работа всех остальных. В ней была какая-то серьезность и вдумчивость, что очень импонировало там, где большинство намеренно демонстрировали нахальство и расхлябанность, в свободное от этой демонстрации время пытаясь подсидеть друг друга или создать новые и небывалые (по силе духа) сплетни. Итак, ко мне подошла Света и сказала:

– Мы получили очень странное письмо. Как вы думаете, о чем? Об убийствах! Я его открыла…

Удивляться письму не следовало. Мы получали достаточное количество писем, которые делились на две категории: возмущенные и ненормальные (в смысле, от психов). Ненормальные часто содержали угрозы или какие-то глупости, которые так и не дочитывались до конца. Но письмо про убийства – такого у нас, действительно, еще не было! Мы же были простым развлекательным шоу для домохозяек.

– Вообще-то мне посоветовали его выбросить, – продолжила Света, – но я решила, что вам следует посмотреть.

– И что в письме?

– Диск.

– Диск?

– Да, для компьютера, но очень странного вида. Понимаете, он весь поцарапанный… Мне даже показалось, что кто-то пытался изобразить цветы. В смысле, выцарапать цветы и какие-то поломанные ветки, вроде деревьев. Маленькие такие цветочки. Звучит не очень нормально, правда? Я так и не решилась вставить диск в компьютер. На нем может быть какой-то вирус. Мало ли какую гадость могут прислать. А если вируса нет, то все равно, вряд ли он будет работать. В общем, посмотрите.

– Откуда же ты узнала, что письмо про убийства?

– Из записки, вложенной в конверт. Вот она.

Света протянула мне обыкновенный листок бумаги (А4,

такую бумагу используют обычно для ксерокса), на котором было написано «Лично. Мое имя и фамилия. Информация об убийствах, которые еще будут происходить». Вернее, не написано, а отпечатано на принтере, причем не очень хорошего качества – краска была не черная, а серая. Я не сомневалась, что принтер дешевый и очень старый.

– Конверт самый обыкновенный, почтовый, без марки. Адрес также отпечатан на принтере. Почтовый адрес нашей студии, на месте получателя – просто название передачи и ваша фамилия. Адреса отправителя нет. Да, и еще: на конверте не было никаких штампов. Он не шел по почте. Кто-то просто оставил его на вахте внизу.

– Кто это был, ты спросила?

– Спросила. И мне сказали следующее, и охранник, и вахтерша в два голоса: кто-то просто бросил конверт на пол, когда входная дверь приоткрылась. Вернее, выходили на улицу несколько сотрудников телецентра. Когда они вышли, в открытую дверь кто-то бросил конверт. Он упал на пол. Его увидел охранник. Поднял, прочитал адрес и вашу фамилию. Вышел на улицу посмотреть, кто доставил письмо таким странным образом, но возле входа не было никого…

– Странно.

– Очень странно! Мы никогда не получали таких странных писем! Но я все-таки решила не выбрасывать диск, а отдать вам.

– Молодец, правильно решила.

– Что же вы будете делать?

– Идем!

Мы вошли в небольшую редакционную комнату, в которой стоял старенький компьютер – на нем почти не работали и он не был подключен к нашей офисной сети. Так как компьютер не был связан со всеми остальными (из-за устаревшей модели и долгого срока работы), мне не было его жаль. К моему огромному удивлению, диск открылся сразу. Я открыла вордовский файл довольно большого объема…

– Но это не русский язык!

– Да, действительно. Текст написан на английском. Попробую перевести.

Это было письмо, адресованное лично мне. Письмо следующего содержания:

«Если мы с вами когда-нибудь встретимся, вы узнаете меня только по одному признаку: точно по такому же диску, на котором вырезаны цветы. Их существует всего два. Один я отправляю вам. Другой сохранится у меня лично, и когда-нибудь по нему вы сможете меня узнать. Возможно, я стану держать его в руках, чтобы вы увидели, а может, положу в карман пиджака, чтобы не привлекать вашего внимания – я еще не знаю, как все это произойдет. И встретимся ли мы с вами когда-либо. Но самое первое, что вам следует сделать – это внимательней вглядеться в изображение цветов. Это ключ ко всей истории, к той самой истории, о которой я пишу здесь.

Белые цветы. Про себя я называю их „флер д' оранж“, хотя те цветы, о которых идет речь, не растут на деревьях, как свадебные цветы апельсина. Знаете, почему я так их назвал?

Они похожи на свадебные букеты, которые молодые девушки держат в день свадьбы, на цветы, которыми украшают невест. Мне рассказывали старые люди, из жителей нашего поселка (кто еще остался в живых и не денется никуда, кто остался в поселке ожидать свою смерть, которая приближается к ним с таким же красивым белым лицом, как цветы „флер д'оранжа“), что в прежние времена существовал обычай вплетать эти цветы в свадебные венки, посвящая невест языческой Богине Солнца (именно она считалась покровительницей этих цветов). Атрибут, символизирующий „смерть“ незамужней девушки, и возрождение ее в новом качестве – в качестве замужней женщины. Одновременно – смерть и следующее за ней воскресение. Мне показалось это символичным. Символ любви и смерти, белые цветы, не имеющие ничего общего с невинностью или чистотой. Они становились посвящением этой символической смерти. Их посвящали этому древнему обычаю. И тогда считалось, что солнечные лучи будут хранить всю жизнь.

К сожалению, я не знаю, как называются белые цветы в научных кругах. Называть их „флер д'оранжем“ довольно безграмотно. Но в моей истории очень мало здравого смысла. Поэтому я решил позволить себе такую неточность.

В наших краях действительно много солнца. Оно осталось

прежним, несмотря на то, что поменяло свой цвет. И девушки больше не вплетают белые цветы в свои венки. В наших краях мог бы быть целый лес апельсиновых деревьев, благоухающих всеми ароматами жизни. Но сады и леса в наших краях не живут. Вместо любви и свадеб поселилась смерть. А солнце для большинства жителей нашего поселка стало черным. Простите за лирическое отступление. О чем, собственно, мое письмо?

О доказательствах резонансных убийств и об истории, за которую (если бы вы жили за рубежом) вы могли бы получить Пулитцеровскую премию. Почему я отправляю это письмо вам? Вам – ведущей передачи со скандальным содержанием, где много эротики, глупой женской болтовни, но ни слова о коррупции и криминале? По двум причинам.

Во-первых потому, что вы кажетесь мне сильной личностью (хотя я читал, что вы довольно не счастливы в жизни). Вы производите впечатление человека волевого и амбициозного, и если вы решитесь добиться чего-то, вы, скорей всего, сможете это сделать. А во-вторых, ваша передача имеет настолько нейтральную репутацию, что если вы полезете в черный криминал, никто даже не догадается о возможной причине. Вам гораздо проще будет провести необходимое расследование и нажать каналы, какие следует, чем журналисту из передачи более политического или криминального свойства…»

Дочитав до этого места, я подняла глаза к Свете и сказала

совершенно невинным тоном:

– Так, все понятно. Очередной псих. Этот бред даже не следует читать дальше. Я просто его уничтожу. Явно видно, что писал человек не в здоровом рассудке.

– Да, мне тоже так подумалось! – сказала Света, – Псих! Это вы в самую точку!

– Ага. Ну, ты можешь идти. Спасибо, что принесла письмо. Оно меня развлекло. Приноси, если будет что-то подобное. Иди! Я еще здесь побуду.

Света ушла. Я плотно закрыла за ней дверь и вернулась к компьютеру. Конечно, я кривила душой. Я лгала достаточно профессионально (научилась за годы, проведенные на телевидении), поэтому не сомневалась, что неопытная Света приняла за чистую монету каждое из моих слов. На самом деле, телевидение – цепь сомнительных историй. Все телевидение мира держится именно на таких сомнительных историях, и счастье, когда не надо за них платить. Обычно трогательные «повести» сочиняют мои редакторши (более опытные, чем Света). Редакторши пишут, а в париках и гриме снимаются безработные актеры (или студенты театральных вузов, чтобы подработать). Но я никогда не признаюсь в этом – даже под страхом смертной казни! Электронное письмо заинтересовало меня сразу.

И дело было не только в странном способе, которым письмо попало ко мне. Дело было в той особенной убежденности, которая чувствовалась за словами его автора. И (очень

странно, но мне показалось именно так) автор словно рассчитывал, что я избавлюсь от компании (коллег, друзей, просто людей, находившихся вместе со мной в комнате), дочитав до какого-то определенного момента (например, про белые цветы, которые на самом деле не флер д'оранж), а потом продолжу читать письмо в гордом одиночестве (чтобы другие не своровали сенсацию). Кроме того, мне просто понравилось начало письма! В тайне я тосковала по капельке криминала, чтобы разбавить им программу(без криминала рано или поздно выдохнутся любые романтические истории. В этом мало кто признается, но так оно на самом деле и есть). В общем, письмо захватило меня настолько, что я принялась читать дальше.

«Извините за то, что пишу не на родном языке. Но я знаю, что вы владеете английским. И, кроме того, я преследую вполне определенную цель. Вы сможете продать эту историю зарубежным изданиям, а без перевода письма вы не сможете это сделать. Чтобы сэкономить ваше время, я делаю это сам. Дело не только в деньгах, которые вы сможете заработать. Дело в том, что окончание этой истории находится в чужой стране (и не в одной). В каких странах? В конце расследования вы все это выясните без труда. В моем письме вы найдете имя и адрес одного человека (он из зарубежного информационного агентства), которому вы сможете передать всю информацию. Он был в наших краях, крутился вокруг да около, но, к сожалению, ему так и не удалось собрать конкрет-

ные факты. К сожалению, в то время я тоже мало знал, поэтому так и не смог ему помочь. Поэтому, свяжитесь с ним прямо сейчас и расскажите о письме и о том, что вы сможете докопаться до сути. Он поймет, о чем идет речь. Собственно, вам останется лишь мелочь, ведь большую часть расследования провел я сам. Вам останется лишь перепроверить и убедиться в подлинности моей информации, и взять два главных доказательства, без которых любые разговоры о деле просто бессмысленны. Итак, два доказательства (важнее их ничего нет).

Первое: белые цветы. Когда вы достанете белые цветы, вы сможете доказать, что происходят убийства. Второе: оно хранится на дне каньона, и это – самое главное. За эту вещь расплатились жизнью большое количество людей. И если вы сможете достать эту вещь, их смерть не будет напрасной жертвой.

Итак, вступление вроде бы закончено, и мне остается перейти к главному – к делу, которое заставило меня написать это письмо. С чего начать? Наверное, с исчезновения одного человека… Нет, в этом исчезновении не было никакой сенсации. Он не был ни политиком, ни бизнесменом, ни звездой. Он был самым обыкновенным человеком, хотя и занимал высокую должность. Но не настолько высокую, чтобы из-за этого убивать. Не знаю даже, писали ли центральные газеты об этом деле. Речь идет о некоей местности, о центральном поселке, вернее, маленьком городке с живописным

средневековым замком посреди леса, скалистых гор, обрывов, о месте с удивительно красивой природой. Горные реки, леса, впечатляющие горы, яркие поляны цветов – все это способствует тому, что в наши края приезжает очень много народу. У нас существует множество турбаз и пансионатов, которые круглый год принимают туристов. Зимой – это катание на лыжах по горным склонам, летом – реки, лес, которым покрыты горы и холмы. Плюс древние легенды. И цены на любой вкус – от высоких до самых низких.

Все это способствует тому, что в наших краях нет отбоя от приезжих туристов. А население маленького городка живет только за счет туристического бизнеса. Я – не исключение. Не стану писать, чем конкретно я занимаюсь. Упомяну лишь, что в своем городке я считаюсь достаточно обеспеченным человеком и мой маленький бизнес связан с торговлей.

Из культурных достопримечательностей нашего края можно упомянуть старинный средневековый замок, в котором теперь находится крупный краеведческий и археологический музей. В замке полностью сохранена экспозиция средневековья и его с огромным удовольствием посещают все туристы. Так как пойти особо некуда, то посетить замок приезжие считают своим долгом.

Второй нашей достопримечательностью считается каньон. Это место не природного происхождения. В этом каньоне в средневековье был, кажется, свинцовый рудник. Потом рудник забросили, все пришло в негодность, а каньон

посреди гор провалился еще больше. Смотреть там не на что – потому, что там ничего и нет. Но есть дурная слава и плохие легенды. Я не буду пересказывать вам все мистические ужасы и тому подобное. О нашем каньоне не писал в прессе и не говорил по телеку только ленивый. Если вы потрудитесь поискать в Интернете информацию про наш каньон, вы получите ее в полном объеме и сможете самостоятельно прочитать все, что пишут про это темное место.

Я недаром упомянул наш каньон. Собственно, это и есть главное место действия всей истории. А можно сказать и так, и одно из главных действующих лиц (если позволено говорить так о неодушевленном предмете). Человек, который исчез, интересовался каньоном. Вначале – с исторической, археологической точки зрения. Человек, с исчезновения которого все началось, был директором археологического музея (то есть замка).

Три года назад на должность директора музея-заповедника (к тому времени археолого-краеведческий музей назывался именно так) был официально назначен Виктор Алексеев. Это был предприимчивый и довольно умный молодой человек. До того, как возглавить заповедник, он был директором местной школы и преподавал историю, будучи историком по образованию. Как он попал в заповедник? Огромный музейный комплекс остался без руководства, и областное начальство объявило официальный конкурс на должность директора музея. Конкурс состоял из многих пунктов: представить

план разумной реконструкции и реставрации комплекса, составить список туристических мероприятий в рекламных целях, разработать новые экскурсионные маршруты по заповеднику, увеличить рентабельность убыточного предприятия и т. д. (я и не упомню всего).

Алексеев решил принять участие в конкурсе (надо сказать, он давно интересовался местным замком). Он составил подробный проект и отправился в областной центр. Без денег, разумеется, не обошлось, значительную часть средств ему пришлось потратить на то, чтобы подмазать нужных людей из областного начальства. Но, следует отдать должное, проект Алексеева действительно оказался самым лучшим. И через некоторое время он получил новую должность. Область сделала удачный выбор, лучше и быть не могло. Во-первых, Виктор Алексеев имел опыт руководящей работы. Во-вторых, он был историком по образованию, местным жителем и увлекался историей замка. А в-третьих, просто искренне любил и знал свое дело.

Откуда я знаю такие подробности? Поверьте, я знал про Алексеева все – он был достаточно близким мне человеком. Кем именно? Чтобы вы не догадались кто я такой, я не стану уточнять эту информацию. Итак, Виктор стал работать директором музея-заповедника и музей вступил в период своего расцвета.

Здания отреставрировали, замок получил известность и в туристических маршрутах, и в рекламных проспектах. Там

даже снимали рекламу и фильмы. Помните рекламу по телевизору про королевское пиво? Про замок? Эту рекламу снимали именно там! О талантливой деятельности молодого директора музея (Алексееву было всего 34 года) писали в некоторых центральных газетах, а однажды пригласили в популярную телепередачу. Все было просто замечательно до тех пор, пока…

Дальше я сообщу вам те подробности, которых вы не найдете в милицейских протоколах, и уж тем более не упоминаются они в газетных статьях (если такие статьи есть). Перемены с Алексеевым произошли примерно за месяц до исчезновения, но об этих переменах могли знать только очень близкие ему люди. Виктор стал бояться. Бояться настолько, что не показывался на улице с наступлением темноты. Алексеев жил в частном доме с женой, двумя маленькими дочерьми и матерью жены. Внезапно он поменял ворота на бронированные, а во дворе посадил на цепь здоровенную злобную овчарку (которая, кстати сказать, пропала за день до исчезновения Виктора. Собаку так и не нашли. Скорей всего, ее выкрали и убили). Дома он не подходил к телефону (на все звонки отвечала только его жена). Каждые два дня менял номер мобильного, покупая новую сим-карту.

Но это еще не все. Ровно за месяц до своего исчезновения Алексеев нанял в областном центре охранника в частной охранной фирме. Этот охранник не только сопровождал его на работу и домой, но и сидел в кабинете, и жил в его доме –

то есть, находился рядом с Алексеевым все 24 часа. Странное поведение было не понятно не только окружающим, но даже его собственной жене. Вера Алексеева догадывалась, что ее муж получает какие-то угрозы, но ничего не знала в точности (у Алексеева была привычка сохранять почти все в глубокой тайне).

История с охранником, кстати сказать, очень страшная история. Ровно за два дня до исчезновения Виктора охранник уехал обратно в город и больше не появлялся, а Алексеев объявил домашним, что его неприятности благополучно разрешились и он больше не нуждается в охране.

Итак, день исчезновения. Виктор Алексеев ушел с работы в 18.20 (его уход видели несколько сотрудников музея и сторож) и по проселочной дороге направился в сторону дома. Он был один. Но домой Алексеев не вернулся. В милицию обратилась на следующее утро Вера Алексеева, его жена. Но заявление у нее не приняли: по закону человек считается официально пропавшим только по прошествии трех дней. Заявления жены о том, что у них были хорошие отношения и он не мог вот так запросто покинуть семью, никто в расчет не брал. Когда же прошло три дня и Алексеев ни появился ни на работе, ни дома, заявление все-таки взяли… Началось расследование. Алексеева так и не нашли. Не было обнаружено никаких следов пропавшего человека. Проселочная дорога, по которой он обычно возвращался домой, шла через лес, не очень густой, скорей, небольшой пролесок

возле горы. Дорога и вся местность вокруг были практически безлюдны в ту пору.

Виктор Алексеев исчез 14 ноября. Ноябрь – холодный, предзимний месяц и в это время года бывает очень мало туристов. Туристы появляются только в конце декабря, под Новый год. Конечно, некоторые приезжие все-таки были, но проселочная дорога находилась не в той стороне, куда они могли бы пройти. Эта дорога была достаточно далеко от турбаз и гостиниц, и вряд ли приезжие из других мест могли знать о ее существовании. Что же касается местных жителей, то никто из них не ходит вечером в лес. После каньона даже лес начал приобретать дурную славу.

Никаких следов Виктора Алексеева не нашли. Прошло больше двух месяцев. А в феврале и Вера Алексеева, и милиция получили очень странную информацию. В одной из областных газет вдруг появилось сообщение о том, что следы пропавшего директора музея, живого и невредимого, обнаружились в Греции. Что, якобы, Алексеев просто сбежал за границу, оставив семью. Жена бросилась в редакцию газеты. Журналист сообщил, что получил письмо от человека (с фамилией и адресом), который написал, что отдыхал в Греции и там столкнулся с Алексеевым (этот человек был бывшим сотрудником музея и, разумеется, не мог не знать в лицо своего бывшего директора). Человек написал, что это точно был Виктор Алексеев и он не мог ошибиться. Милиция стала проверять информацию и обнаружила, что из стра-

ны с оформленной греческой визой действительно выехал… Виктор Алексеев. Выехал три дня спустя после своего исчезновения. Запросили МИД Греции. Греки не ответили ничего определенного. Началась обычная бумажная канитель. А полтора месяца спустя, в начале апреля, Вера Алексеева вдруг нашла возле ворот своего дома бумажный пакет, на котором было напечатано ее имя и больше ничего. В пакете безо всякой записки находилось десять тысяч долларов. Буквально через несколько дней после того, как Вера Алексеева получила деньги, ей сообщили из милиции, что дело об исчезновении ее мужа закрыто, так как по имеющимся сведениям Виктор Алексеев выехал за пределы страны.

Вы спросите – ну и где тут криминал? А если я скажу вам, что Вера Алексеева не поверила и не верит до сих пор в то, что ее муж жив и просто выехал из страны, вы ответите, что это естественно. Какая женщина открыто признается в том, что ее бросили? Вы скажете так и будете не правы. У меня есть неопровержимые доказательства того, что Виктор Алексеев никогда не выезжал из страны и просто не мог находиться в Греции. У меня есть неопровержимые доказательства того, что Виктор Алексеев был убит и его труп был найден на дне того самого каньона. И существуют доказательства того, что Виктор Алексеев был не единственной жертвой убийств, которые происходили и будут происходить. И если не остановить эту страшную цепь смертей, количество жертв может увеличиться на несколько сотен…»

3

Дочитав до этого места, я позвонила в наш телевизионный архив и попросила работавшую там мою знакомую старушку найти мне подшивку газет из N-ской области за февраль этого года, и вообще поискать любую информацию о пропавшем директоре музея-заповедника.

– Можно будет подойти через час?

– Дорогая моя, я же не автомат. А N-ская область довольно далеко отсюда. Так что мне нужно время, чтобы найти подшивку газет. Через час я смогу найти разве что по нашей области, что-нибудь в нашем регионе.

– В нашем регионе?

– Ты знаешь, я вспомнила, что моя племянница – Машенька рассказывала подобную историю. Что-то о человеке, который столько лет обманывал семью, а потом сбежал заграницу с секретаршей… Да, вспомнила! Машенька сказала, что ее подругу обманули точно таким же образом, как тот мужик, о котором писали в газете! Тот мужик, который с секретаршей убежал от жены, хотя всю жизнь клялся, что свободное время проводил только на работе. И это был какой-то известный мужик. Что-то связанное с пивом, кажется… Пиво… Не помню… известное…

– Королевское пиво?

– Да, точно! Его имя было связано с королевским пивом!

Я запомнила потому, что мой второй племянник из Нижнего Новгорода, только такое и пьет, когда приезжает ко мне погостить.

– И эта история была в одной из центральных газет?

– В какой же еще? Газеты других регионов в нашем городе продаются редко. А это была центральная газета. Именно ее я и смогу найти за час.

– Попытайтесь, пожалуйста! Я к вам заскочу.

– Ладно. Только я ни в чем не уверена.

Возле кабинета продюсера в очереди сидели несколько человек. В одном из них я опознала известного спортивного комментатора с другого канала. Увидев меня, он демонстративно отвернулся. Нагло минуя очередь (я могла позволить себе такую наглость), я кивнула новой секретарше (прежнюю уволили месяц назад не без моего участия) и вошла в кабинет в тот момент, когда верховное начальство всех высших ступеней (ну, прямо Господь Бог!) глубокомысленно беседовало по последней модели супердорогого мобильника, не обращая никакого внимания на мужчину, который с видом просителя сидел в кресле.

– Чего тебе? – брови нахмурились, но я не обратила никакого внимания.

– Очень срочно!

– У меня совсем нет времени.

– Всего пять минут! Это действительно очень важно!

– Ну, – нахмурился больше и повернулся к собеседнику с

запредельно хмурым лицом, – Наш разговор закончен. Мы, кажется, решили все вопросы? Всего доброго!

Мужчина вышел. Я заперла за ним дверь, притворив ее особенно плотно.

– Ты не должна…

– Я знаю, – быстро уселась на стол, – Знаю, что не должна вот так бесцеремонно заходить к тебе в кабинет и запирать за собой дверь, как будто имею на это полное право. Но я действительно имею на это право! А то, что полдня редакция и техсотрудники будут судачить только о нас, мне плевать! По-моему, даже последняя собака возле телецентра знает, что я с тобой сплю.

– Я бы так не сказал.

– Если ты имеешь в виду твою жену, то она только рада от тебя избавиться таким путем. Путем полнейшего к тебе равнодушия.

– Кажется, это не твое дело.

– Возможно. Только в последнее время я испытываю к тебе тоже что-то похожее на ледяное вселенское равнодушие. И это равнодушие вовсе не означает, что я не буду больше с тобой спать. Жизнь так устроена, и все тут такие бездушные двуличные сволочи. И я такая же сволочь, и мне так же все равно…

– Понятно. Ты пришла ко мне философствовать? Я тебя действительно очень люблю, но у меня совершенно нет сейчас времени!

– Любишь! Как же! Даже последней собаке возле телецентра слышать это будет смешно! Обратил бы ты на меня внимание, если б я работала здесь уборщицей!

– Кажется, в том, что ты чуть выше уборщицы, моя заслуга, не так ли? Ну, наши взаимоотношения ты уже обсудила, что еще?

– Дело, которое потрясет мир!

– Так, хватит! Я занят, у меня люди, и у меня нет ни минуты слушать всякую чепуху…

– Но эту ты выслушаешь потому, что это касается нашей работы.

– Твоей! О моей ты понятия не имеешь! Даю пять минут. Постарайся объяснить в двух словах.

– Два слова, не больше.

Я соскользнула со стола в кресло, приняла важный деловой вид и кратко изложила основное содержание письма, которое уже успела прочитать полностью. А также добавила некоторые подробности, которые уже успела выудить из Интернета. Я говорила о самом главном, стараясь опускать живописующие детали и по мере того, как я продолжала говорить, все больше и больше темнело его лицо. Когда я закончила рассказ, он вообще закрыл лицо руками.

– О Господи… – застонав, откинулся на спинку кресла, – О, Господи! За что мне такое наказание?! Ты что от меня хочешь?!

– Как это – что? Я хочу заняться этой историей до конца,

а потом…

– Все понятно. Снова поссорилась!

– С кем поссорилась? – совсем обалдела я.

– С мозгами!

Резко вскочив, он нервно заходил по комнате.

– Ты хоть понимаешь, с чем ты ко мне пришла? Чем все это пахнет? Если нет, я прямо скажу! Все это пахнет сумасшедшим домом!

– Что?! Да я прихожу к тебе с историей, которая может потрясти мир, а ты…

– Ты слышишь себя со стороны? Ты – ненормальная! Просто безнадежно больная! Честное слово, мне страшно тебя слушать! Ты всегда казалась мне женщиной эмоциональной, неуравновешенной, как все творческие личности, но то, что я слышу сейчас, просто психическая болезнь. Причем в прогрессирующей форме. Заниматься историей, которую выдумал какой-то маньяк! И еще называть этот шизофренический маразм историей!

– Почему ты так говоришь?

– Да потому, что во всем этом нет ни крупицы здравого смысла!

– По крайней мере, это не хуже, чем тот бред, который пишут мои редакторши.

– Да, бред. Ты несешь этот бред в эфир и под него рыдает большая часть женского населения нашей страны, принимая за чистую монету сентиментальные откровения безра-

ботных актрис, которым я, кстати сказать, совсем неплохо плачу. Этот бред имеет очень высокий рейтинг, и, следовательно, я продаю рекламное время по высокой цене. И, если честно, это все, что интересует меня в твоей передаче. Да, твои любовные истории выдуманные, наивные, но они сделаны намного лучше, чем тот маразм, с которым ты ко мне пришла. Для того, чтобы твоя нагловатая мордочка мелькала на экране, трудится целая группа людей, каждый из которых стоит намного больше, чем ты. Я не хотел начинать этот разговор в ближайшее время, думал подождать еще немного, но, кажется, именно сейчас его следует начать. В последнее время с тобой происходит что-то не то. Это творится настолько явно, что замечают все окружающие. Я понимаю, ты разуверилась и разочаровалась в жизни. У тебя затяжная депрессия, из которой ты все не можешь вылезть и поэтому много пьешь. Ты ходишь по студии со злобным отчужденным видом, вечно не в ладах с собой и от этого уже начала страдать твоя работа. Знаешь, что с тобой происходит? У тебя синдром человека, у которого все есть и который, не зная, чего бы еще захотеть, просто бесится с жиру! А между тем, ты напрасно о себе столько возомнила. Если твое место хоть чем-то и примечательно, то только потому, что таким сделал его я. На самом деле, на твоем месте хорошо бы выглядела любая дурочка со смазливым личиком! Я держу тебя здесь, но я же могу тебя и заменить, если, погрузившись в выдуманные переживания о бессмысленности своей жизни,

ты забудешь о том, почему ты здесь находишься!

– Возможно, ты прав. А тебе не приходило в голову, что мои переживания о бессмысленности и бесцельности этой жизни имеют под собой реальную почву? Что мне до кошмара надоело играть роль смазливой дуры без капли мозгов, которую ты для меня соорудил? Что мне до тошноты надоело участвовать в этом нелепом спектакле без грамма хорошего вкуса? Впрочем, о чем говорить… Ты все равно не поймешь. И если я скажу, что благодаря этой истории у меня появилась цель в жизни, ты не сможешь понять даже этого.

– Какая цель? Для чего? Очередная погоня за призраками? Может, твоя бесконечная депрессия именно от этой погони?

– Может. Но только то, с чем я к тебе пришла – не призрак! И если я дойду до конца, то сделаю в своей жизни хоть что-то!

– Ну, допустим, будет какой-то конец. А дальше что? Я никогда не позволю тебе обнародовать всю эту чушь! Я не стану рисковать многим, выходя с таким в эфир, даже ради нашей связи! Риск слишком велик и он не оправдан. Кроме того, неизвестно, каких людей все это может затронуть. Я рискую потерять все, чего добился таким трудом, а ради чего? Ради амбициозных бредней какой-то депрессивной дуры? Нет уж, уволь! Ты не так много для меня значишь. Я просто заменю тебя на другую и в эфире, и в жизни. Возможно, мне давно уже следовало это сделать… А тебя я уво-

лю. Да, дорогая. Прости. Если ты не прекратишь заниматься глупостями, я тебя уволю!

– Ну, почему ты мне не веришь?! Почему? Ведь все так ясно!..

– Ничего не ясно! Но, если уж ты так сильно хочешь, давай разберемся по порядку. Я потрачу на тебя еще немного времени, так и быть. Давай начнем с начала. Итак, речь сразу же зайдет об убийстве. У тебя есть официальные доказательства?

– Нет. Но будут…

– Значит, в данный момент их нет. А что ты можешь сказать о цветах? У тебя есть результаты химического анализа, экспертиза почвы?

– Нет, но…

– Ты можешь доказать, что человек, назвавшийся Виктором Алексеевым, покинул страну с фальшивым паспортом?

– Нет.

– Дальше уже конкретнее – об убийстве…

– Вот там как раз все написано ясно!

– Эксгумация трупа? Возможность снять отпечатки пальцев? Анализ ДНК? Исследование разложившегося трупа какого-то бомжа, который не имеет ничего общего с Виктором Алексеевым по внешним признакам? И это тело автор письма обещает выдать для эксгумации? Ты хотя бы понимаешь, чем это пахнет? Взять и спрятать труп, пусть даже неизвестный? Или какие-то части трупа? А как это звучит

со стороны? Вслушайся: спрятанные части трупа! В поселке исчез молодой мужчина, 34 года. В каньоне неподалеку нашли труп бомжа. Бомж был стариком лет 75–80, со всеми признаками старения. То есть – морщинистое лицо, седые волосы и т. д. И твой автор письма утверждает, что неизвестный старик 80 лет и молодой мужчина 34-х лет – одно и то же лицо? Знаешь, это даже не смешно! Дальше – больше. История с каньоном не что иное, как плохой винегрет из дешевого триллера, фильма ужасов и чернушных статей самого низкого пошиба из бульварной прессы 90-х годов. Итак, давай подведем итог. Ты предлагаешь мне заняться историей, которая звучит более чем странно с точки зрения здравого смысла, причем без единого реального доказательства?

– Я достану доказательства!

– Дорогая! Нет! Даже если достанешь, мне все равно. Я не буду заниматься этой историей! Я же умный человек.

– Ладно, – я встала, – заявление об уходе писать сейчас? Или завтра?

– Подожди. Ты обиделась, да? Я не хотел тебя обидеть!

– Кажется, ты собирался меня уволить.

– Если будешь вести себя умно, то нет. И вообще, это была шутка! Ну, вот скажи, что тебя так привлекло в этом бреде? Что?

– Наверное, замок.

– Замок. Ладно. Если ты пообещаешь вести себя разумно и не наделать глупостей, я разрешу тебе подготовить пе-

редачу об этом замке и каньоне. Какую-то красивую передачу с природой, романтическими легендами. И без всяких убийств и трупов. Это немного освежит твой имидж. Что скажешь?

– Звучит неплохо.

– Вот, видишь! И не надо на меня обижаться! Я же стараюсь тебя понять.

Я направилась к двери.

– Подожди! Завтра мы увидимся, как всегда? Без изменений?

– Разумеется, без изменений, – я только пожала плечами.

Короткую и бессмысленную дорогу (бессмысленную только для меня: я не сомневалась, что многие за то, чтобы оказаться на моем месте, с радостью отдали бы свою жизнь) я прошла так, как проходила всегда.

Но это было только внешне. Не так обстояло на самом деле. Дело в том, что прицепилось ко мне что-то неотвязное, мысль, которую я все не могла от себя отогнать… Мысль о том, что все вокруг было серым. Только серым. Сплошное серое облако, плотной пеленой обволакивающее мой мозг. То самое облако, с которым я привыкла встречаться каждое утро.

Мой бессмысленный любовник (такой же бессмысленный, как и все вокруг меня) любил говорить пафосные, громко звучащие слова, не понимая их смысла. Депрессия – красивое и модное слово. Что он мог о ней знать? Что он мог

знать обо мне? На самом-то деле, никаких депрессий и нет. Есть только одно. День, когда, встав с постели, ты открываешь окно и понимаешь, что мир вокруг тебя стал серым. И все теряется в этой серости, все теряет свой смысл. И все бессмысленно – любой поступок, взгляд, жест, никому не нужное слово… Ты продираешься сквозь туман, но не сможешь пройти сквозь него никогда. Можно оставлять рванные куски души на острых углах, но ничего из этого не выйдет. Не будет, не выйдет, не произойдет! Не будет никогда, ничего. Только серый туман. И в нем почему-то не хочется жить. Каждый день пытаешься встречать как ступень, но потом понимаешь, что все это не лестница, а гладкая, ровная дорога. К тому же заканчивающаяся тупиком. И этот тупик – твоя жизнь. Холодная, расчетливая и пустая. Потому, что все вокруг стало серым.

Я позвонила в архив.

– Для тебя кое-что есть. Заметка в центральной газете. Называется «Сбежавший интеллигент». Автор – Константин Сопиков. Это имя тебе что-то говорит?

– Многое. Спасибо большое. Забегу завтра днем. Подарок за мной. Надеюсь, вы отыщите мне также областные газеты?

Константин Сопиков был моим знакомым. Мне приходилось сталкиваться с ним не один раз, а однажды мы даже работали вместе над глупеньким проектом телевизионного рекламного ролика. Я позвонила к нему домой. Трубку взял его сожитель – молодой художник, вместе с которым мой при-

ятель Сопиков жил уже пятый год, совершенно не скрывая своей связи.

– Котик уехал в командировку, будет через два дня, – недовольно пропищал бойфренд. Он не любил, когда Сопикову звонили женщины. Представляться и просить перезвонить я посчитала излишним.

Следующий звонок был для меня гораздо более важен. И, уж конечно, намного важней остальных. Чтобы его совершить, я заперлась в одной из редакционный комнат. Я дословно помнила текст электронного письма:

«Единственный человек, который сможет вам помочь, это Поль Верден. Он работает в информационном агентстве, которое собирает материал по всем странам СНГ. Агентство принадлежит крупнейшему газетному концерну на Западе. Учтите, все телефоны прослушиваются службой безопасности и тем самым подразделением с красивым названием, которое обозначает самый простой шпионаж. Как только вы позвоните в агентство, где работает Поль Верден, вас сразу же возьмут на заметку. Ваши телефоны поставят „на прослушку“, за передвижениями будут следить, и уже через несколько часов будут известны все ваши контакты. Поэтому, вам следует соблюдать максимальную осторожность. Вполне вероятно, что звонок в представительство „Тарквелл-пресс“ повлечет за собой крупные неприятности на вашем настоящем месте работы, но другого выхода у вас нет. Думаю, Поль Верден будет рад сотрудничеству с вами

потому, что передвижения иностранца всегда более ограничены, к тому же он плохо знает русский язык. Вы сможете действовать более свободно, чем он, а он сделает так, что информация, собранная вами, станет первой важной ступенью в вашей будущей возможной карьере. Итак, Поль Верден, „Тарквелл-пресс", номер телефона такой-то… И не забудьте показать ему это письмо».

Дрожащей рукой я набрала цифры на мобильнике. Меня немного смущал вопрос языка, но после коротких раздумий я решила перейти на английский. Я знала его неплохо, несмотря на то, что не заканчивала ни факультет журналистики (где иностранный был обязательным), ни «иняз». Я происходила из бедной семьи, и платить за поступление на такие факультеты моим родителям было не по средствам.

– Агентство «Тарквелл-пресс», чем можем быть вам полезны?

– Здравствуйте. Я хотела бы поговорить с Полем Верденом.

– Не могли бы вы представиться, пожалуйста?

Назвала имя, фамилию.

– Оставайтесь на линии, пожалуйста.

В трубке раздалась характерная музыка стандартной телефонной системы. Минуты через три мне ответил молодой женский голос (мне показалось, что голос какой-то безжизненный и печальный).

– Я слушаю вас.

– Мне нужен Поль Верден.

– Кто вы?

– Я не знакома с ним, но… Но мне очень нужно с ним поговорить. Мне дали этот номер телефона.

– Поговорить о чем?

– Я скажу это лично ему.

– Но прежде вам придется сказать это мне.

– Я даже не знаю, что вам сказать. Я журналист, веду развлекательную программу на телевидении. Мне в руки попала информация, которую я хотела бы обсудить с господином Верденом… Я знаю, что он собирает информацию такого рода. Речь идет о каньоне.

Мне показалось, что на том конце провода тяжело вздохнули.

– Меня зовут Сара Янг. Я смогу встретиться с вами завтра в девять утра по адресу нашего офиса.

И повесила трубку. Какая еще Сара Янг? Ни о какой женщине в письме не было сказано ни слова! Кто сказал, что американцы не сплетники? Звонок меня рассердил.

Какая-то нахалка лезет в дела своего коллеги, ничем при этом не брезгуя! Надо же так себя вести! И я тоже хороша – не поставила ее сразу на место. Теперь уже поздно перезванивать и хамить… На какое-то время я даже пожалела, что ввязалась в эту историю. После звонка в «Тарквелл-пресс» все выглядело уже не так хорошо.

После того, как охранник металлоискателем прошелся

по мне лично и тщательно проверил сумку, меня провели в небольшую светлую комнату с мягким уголком, двумя компьютерами (которые совершенно не вписывались в интерьер), и окном, выходившим в тихий и уютный внутренний дворик. Ничего не скажешь, замечательное место для особняка. Поднявшись из-за столика, мне навстречу вышла молодая миловидная девушка лет двадцати пяти, натуральная блондинка с какой-то неопрятной прической, в очках, в черном свитере и темных брюках, без грамма косметики на бледном вытянутом лице.

– Я – Сара Янг. Вы договаривались о встрече со мной. Наверное, что-то показалось вам странным, поэтому я хочу объяснить… Я работала вместе с Полом. Я его доверенное лицо, поэтому вы можете говорить со мной так же откровенно, как с ним.

«Работала»? – она не правильно употребила время или я не правильно поняла?

– Благодарю за объяснение, но я предпочла бы личный разговор с господином Верденом.

– Я уполномочена вести любые разговоры от его имени.

– Даже разговоры о каньоне?

– Вы ничего не знаете, правда? – девушка открыто встретила мой взгляд, – вы не знаете ничего. Я поняла это еще по телефонному разговору.

– Что я должна знать?

– Поль умер.

От неожиданности у меня подкосились ноги.

– Умер?! Как это – умер?! Когда?!

– Пять дней назад. Он попал в автомобильную катастрофу.

Мне стало совсем нехорошо. Я села (вернее, свалилась) на мягкий диван.

– Но, это невозможно… О Господи… Умер… Вы хотите сказать, что его убили?!

Ничего не ответив, девушка отвернулась к окну, чтобы скрыть слезы.

– Послушайте, я… Я действительно ничего не знала. К Полю Вердену меня привело очень важное дело. Мне сказали, что он единственный человек, который поймет, о чем идет речь. А вы…

– Я была его женой, – девушка решительно повернулась ко мне, – и мы работали всегда вместе. У Пола не было от меня секретов.

Я обратила внимание на то, что она произносит его имя на английский (вернее, американский) манер. Еще до звонка я предположила, что Поль Верден имеет французское происхождение, но девушка явно была не француженкой.

– Хорошо. Я расскажу вам все.

– Я и так знаю, о чем вы хотите говорить. О каньоне.

– Да. О каньоне. И не только об этом. Но прежде – прочтите письмо.

Я встала и направилась к компьютеру. Внимательно все

прочитав, она спросила:

– Как вы это получили?

– Совершенно случайно! – я рассказала подробности.

– Почему вы?

– Я не знаю. Автор письма посчитал, что я смогу. Теперь я и сама так считаю. Кажется, я смогу это сделать. У меня появилась определенная цель. Я хочу докопаться до правды…

– У вас ничего не получится.

– Простите?

– Я сказала: у вас ничего не выйдет, поэтому оставьте любую надежду на успех. Даже Пол не рассчитывал дойти до конца, а он был очень хорошим журналистом. Что бы там ни было, в этом проклятом каньоне, оно убило Пола. В последние дни он говорил, что это может его убить… А я не принимала его слова всерьез…

– Как он умер?

– Его машина столкнулась с грузовиком. Это произошло в самом центре города, на кольцевой дороге. Пол возвращался со встречи с одним депутатом, речь шла о политической информации (что-то типа обязательного интервью, нас обязывают делать такие вещи). Было двенадцать часов дня. Пол сам был за рулем. На встречную полосу выехал грузовик. Потом выяснилось, что водитель грузовика был пьян… Они столкнулись лоб в лоб. Пол умер на месте… Ваши власти постановили, что это был несчастный случай. Столкновение произошло по вине пьяного водителя грузовика… Но я так

не думаю. Я не считаю это случайностью. Я думаю, что все произошло из-за того, что Пол занимался расследованием, связанным с каньоном. Его похоронили дома, во Франции, на семейном кладбище в пригороде Лиона, откуда он был родом. Вчера утром я опять вернулась в вашу страну. Я приехала, чтобы продолжить его работу. Сделать то, что он не успел. И я даже рада, что появились вы. Вместе у нас будет больше возможностей выяснить хотя бы что-то. Если не узнать истину, то хотя бы приблизиться к ней.

– Я обещаю вам это сделать.

– Хорошо. Если вы хоть что-то узнаете, если вам удастся распутать хоть часть истории (хотя на это я даю один процент из ста) и вы сможете представить любые доказательства (пусть даже из тех, что не станут рассматривать в суде), я гарантирую вам постоянное место в «Тарквелл-пресс», если это вас интересует…

– Еще как интересует!

– Хорошо, – девушка улыбнулась впервые с начала нашей встречи, – честно сказать, я не смотрю вашу передачу, она кажется мне глупой. Но, если вам удастся проявить себя с другой стороны, я буду рада предоставить вам возможность изменить свою жизнь. Я сделаю это ради Пола. Теперь, после того, как мы с вами обо всем договорились, вы можете начинать прямо сейчас.

– Если честно, я все время думаю только о полученном письме. Об этой истории. Может быть, вы мне расскажете,

хотя бы немного, о том, что сумел найти Поль? Что он искал? Что ему удалось узнать? Чем он занимался, особенно в последние дни своей жизни? С кем встречался? Куда звонил? Ездил ли он в N-ский музей?

– Вы задаете мне так много вопросов и мне очень жаль, что я почти ничего не могу вам ответить. Не потому, что Пол мне не доверял, а потому, что ему удалось узнать очень мало. Начну с последнего вопроса. Пол ездил в музей-заповедник того маленького городка только один раз. А вот в самой области он побывал дважды. В первый раз его поездка была для рядового репортажа о провинции: что-то о развитии местного кустарного производства, о сохранении и расширении культурных традиций, о том, как местный замок был восстановлен практически из руин и превратился в приличный музей. Он поехал брать интервью у директора музея. Вот тогда, в этой первой поездке и произошло что-то, что очень изменило Пола. Это случилось во время беседы с директором. Тот рассказал ему что-то такое, от чего Пол буквально сошел с ума. Он забросил все свои дела и остался в N-ске на лишние пять дней, чем очень удивил и меня, и руководство нашего агентства. Дело в том, что именно в это время должен был приехать директор и владелец компании, мистер Тарквелл, и пропустить эту встречу Полу было практически невозможно. Встреча с генеральным директором была важна для карьеры Пола и он ждал ее несколько месяцев, ожидал с нетерпением! Когда я узнала, что Пол решил пропустить

эту встречу, то очень удивилась. Мой муж не был легкомысленным человеком, наоборот, он всегда относился чересчур серьезно и к жизни, и к своим обязанностям, и даже ко мне.

Но, Пол сделал личный звонок мистеру Тарквеллу домой и сказал, что готовит самый сенсационный репортаж из всех, которые когда-либо выходили в агентстве. Мистер Тарквелл удивился, ничего не понял, перезвонил мне, но я ничего не смогла объяснить. Я только ответила, что если Пол посчитал нужным отменить встречу, значит, у него были очень веские причины. Сама я так не думала. То, что Пол отменил встречу с боссом, было для меня огромной неожиданностью. Все, что я знала о материале, который он собирает, это то, что в течение пяти дней в маленьком городке N-ске Пол вместе с директором музея ездят в каньон и даже ночуют там. Зачем? Этого Пол не объяснил. Очевидно, они не нашли то, что искали, потому, что Пол вернулся очень разочарованный и сказал, что сенсационный материал оказался сплошной ерундой.

Мне он рассказал только то, что директор говорил о каком-то незаконном любительском проекте, который будет иметь очень плохие последствия. После того, как директор отказался от сотрудничества с ними, эти люди (связанные с проектом) стали его преследовать и даже угрожать жизни. Но проект оказался ерундой, он не увидел доказательств. Еще Пол сказал очень странную вещь о том, что белые цветы все время оставались белыми – такими, как и должны

быть. Мне даже показалось, что он немного повредился в уме. Фраза была уж очень странной… А он еще все время ее повторял… Я спросила о подробностях, но Пол вдруг резко прекратил разговор на эту тему. Больше он мне ничего не рассказывал и постепенно я совсем забыла об этой истории. Но, однажды, Пол услышал по телевизору в выпуске новостей о том, что директор музея исчез. Он сорвался с места и на следующий же день бросился в N-скую область. Там он находился недели две. Вернулся злой, разочарованный и очень грустный. Сказал, что директор музея Алексеев уехал в Грецию и бросил семью. Что его исчезновение – ложь, и оно совсем не связано с тем делом. Когда я начала приставать к нему с категорическим требованием подробностей, он ответил, что хочет меня защитить от непроверенных страшных слухов, от фантазий ненормальных людей, которые выдумали себе на голову всякие глупые вещи и могут им следовать.

В общем, мне практически ничего не удалось узнать. А за день до своей смерти Пол получил письмо. Адрес отправителя отсутствовал, но штамп был из той самой области. Это был диск с вырезанными цветами – точь в точь, как у вас. На нем было записано электронное письмо. После того, как Пол его прочитал, он срочно заказал билет на поезд в N-ск, куда должен был выехать на следующий день, сразу после дежурного интервью у депутата. Пол хотел выехать сразу, но встреча с депутатом была слишком важной (у мистера

Тарквелла были связанные с этим финансовые интересы), и Поль не мог ее отменить. Я устроила скандал и потребовала поехать с ним в тот городок. Наконец, он сдался и заказал мне билет. Правда, из предосторожности, в другом вагоне. «В конце концов, ты обо всем узнаешь», – сказал мне Пол, – «так будет лучше, если ты увидишь все на месте своими глазами, сама побываешь в каньоне. Если же я расскажу тебе все сам, боюсь, ты мне просто не поверишь».

– «Но ты можешь, хотя бы, рассказать о том, что в письме? Что случилось»?

– «Могу. Цветы больше не белые». После того, как прочитал письмо, Пол уничтожил диск. Вот и все, что я знаю.

– Но хоть о чем-то он говорил?

– Только о каньоне. Ни о чем больше. Пола интересовал только каньон. Но я могу дать вам совет, с чего следует начать поиски. С тех людей, которые преследовали директора музея. Вам нужно узнать, что это были за люди, откуда они и что от него хотели. Кто бы они ни были, именно с них все началось.

Я покинула агентство «Тарквелл-пресс» с тяжелым сердцем. Мне не нравилось все то, что со мной произошло. Как бы фантастично ни звучала история, но необъяснимая смерть Поля Вердена – уже реальность. С первых же шагов я наткнулась на труп. Кому это может понравиться?! В добавок к тому, меня неотвязно мучило одно слово – каньон.

Позже я сидела за компьютером, вчитываясь в текст про

каньон. Я не решилась сделать распечатку (и без тщательного изучения бреда у меня хватало своих забот), поэтому предпочла оставить все, как есть в самом тексте. Текст, конечно, был какой-то ахинеей. Я и не думала подобное отрицать. Только вот существовала одна вещь, против моей собственной воли, смущавшая все мои мысли. Я не могла спокойно думать об этом. Пожалуй, со временем я даже примирилась бы с тем, что не могу думать об этом… Если б не… Если б не сам каньон.

Он был мне невероятно знаком. Словно я, действительно, находилась там прежде. Так, как будто я всегда там была, проходя самые невероятные пути. Все всплывало: тучами мошкары, врывавшимися в душный салон машины вместе с оцепенением пустоты, не оставлявшим ничему места. Прежде.

4

Константин Сопиков – автор статьи в центральной газете о сбежавшем директоре музея, напустил на себя важно-пренебрежительный вид, словно я специально вторглась на его территорию. Причем вторглась нагло, не снимая грязных сапог. Мне был неприятен его вид. Было неприятно сидеть с ним в кафе. Но, другого выхода не было. К тому же, наш столик смотрелся так странно, если не сказать, смешно. Передо мной стояла маленькая чашка кофе со сливками, а перед Сопиковым теснились: блюдо шашлыка с жареным картофелем, три горячих бутерброда и бутылка красного вина. Мне он даже не подумал предложить чего-нибудь съестного. Было чертовски обидно. Дело заключалось, конечно, не в шашлыке (на деньги, которые были с собой, я могла заказать десять таких порций), а в том, что он уселся за столик и сделал заказ, демонстративно игнорируя меня, даже подчеркнул официанту, что второй прибор не потребуется. Разумеется, мне было плевать на его угощение, просто меня покоробило проявление столь «дружеских» и «добрых» ко мне чувств. Он словно говорил мне всем своим видом: «Раз уж ты обратилась по делу, то мы становимся не друзьями, а конкурентами, и здесь нет никакого места реверансам»!

Глядя на Сопикова, который и раньше-то не страдал хорошими манерами, я вспомнила народную мудрость: «хочешь

потерять друга, заведи с ним общий бизнес». Я не собиралась заводить с Сопиковым общий бизнес. Просто меня привело к нему дело, случайно оказавшееся общим. И, глупый Сопиков, даже не подозревал, что информация, которой он располагает, имеет большую ценность. Разумеется, я не собиралась делиться с ним этими сведениями. А потому сделала вид, что ничего не замечаю и не понимаю, и спокойно заказала себе маленькую чашку кофе со сливками. Бестактное, грубое поведение Сопикова напрочь отбило у меня аппетит.

– Итак, – сказал Сопиков с набитым ртом, – итак, давай поконкретнее. Что конкретно ты от меня хочешь?

– Я уже объяснила.

– А почему ты считаешь, что я должен делать тебе одолжение?

– Одолжение?!

– Разумеется! Ты просишь меня разгласить конфиденциальную информацию, которая…

– Сопиков!

– Информацию, которую я достал с таким трудом!

– Просмотрев областные газеты в Интернете…

– Да как ты смеешь! – пухлое лицо Сопикова побагровело, – как ты смеешь мне такое говорить! Мы работаем совсем не так, как вы на этом своем ящике! Я никогда не дурил людей! От твоего якобы шоу несет пошлостью и хамством, а ты еще в чем-то пытаешься упрекать меня! Да, твою журналистскую деятельность следует просто запретить в прилич-

ном обществе, потому, что ты это общество разлагаешь! А ты еще…

– Успокойся, Сопиков. Я ни в чем тебя не упрекаю. Просто уточняю, что такая информация уже была…

– Никогда не была! Я использовал данные, проверенные четкими фактами…

– Может, попытаемся поговорить нормально и спокойно?

– А я только и делаю, что разговариваю нормально и спокойно, – Сопиков прищурился, – твой опыт на телевидении дает себя знать. Это вы там привыкли дурить людей, оперируя всякими выдуманными историями, да ждать, кто больше заплатит за всякую грязь. А я работаю иначе. У меня все факты выверены, статьи строго аргументированы, а, главное, всегда согласованы с крупным начальством во избежание всяких неприятностей в мой адрес. И если начальство говорит мне сделать материал, я его делаю.

– Так, – что-то начало проясняться, – ты хочешь сказать, что статья про сбежавшего директора музея была согласована с большим начальством? Или заказана большим начальством?

– Скорей, согласована… Ты не читала мой материал? Я так удачно и талантливо поднял острую социальную проблему текучести кадров. Вроде утечки мозгов. Я сделал социальный надрез прослойки потенциальных перебежчиков… Меня очень хвалили!

– Кто хвалил?

– Ну… зачем это тебе?

– Хвалил тот, кто одобрил такую статью? Кто?

– Разумеется, в работе над материалом я обращался к первоисточникам. К общественным лицам, которые поднимают такую важную проблему в своих выступлениях и в политических программах. Я советовался с человеком, который ведет довольно значимую политическую жизнь, и он полностью одобрил мой материал потому, что сам, по своей кристальной честности и прямоте, не может не осуждать таких, как этот директор музея. Он посчитал, что моя статья будет иметь широкий общественно-политический резонанс. Ты не могла не слышать о человеке, о котором я говорю. Это депутат Горянский.

– Горянский? – действительно, мне, как любому работнику СМИ, это имя говорило о многом.

– Да. Анатолий Павлович Горянский – народный депутат. Я советовался с ним по поводу моей статьи.

– Не понимаю. У Горянского достаточно нейтральная репутация политика, который никогда не был связан со скандалами – ни с мелкими, ни с крупными. Какое ему дело до N-ской области и, тем более, до директора провинциального музея?

– Во-первых, этот музей не провинциальный! Это заповедник, единственный в своем роде. Он известен на весь мир. А во-вторых, разумеется, ничего личного. Но, буквально пару дней назад Анатолий Павлович произносил речи на

сессии парламента о том, как некоторые граждане пытаются покинуть страну любой ценой. Наша газета еще печатала выдержки из его выступления. И, получив информацию от одного из наших провинциальных собкоров, я решил, что вполне уместно и разумно будет, если эту историю прокомментирует именно Горянский. Он, кстати, сразу согласился.

– Значит, ты получил информацию от одного из собкоров. Ты проверял ее?

– Ну, разумеется! Ты меня просто удивляешь! Как я мог дать непроверенные факты в печать! Все абсолютно точно и верно, никаких сомнений быть не может! А что, собственно, тебя так волнует?

– Меня волнует, действительно ли Алексеев, директор музея, выехал за рубеж?

– Да, выехал. Можешь не сомневаться. Редакция запрашивала МИД. Виза, билет – все, как положено. В Афинах он даже отметился в посольстве. Правда, потом уехал. Я не знаю, в точности, где он сейчас, но, кажется, он переехал в Германию и подал там документы, чтобы получить вид на жительство. Мне говорили, что это действительно так. Но, я точно не знаю. Точно я могу утверждать только одно: Алексеев бросил свою семью, чтобы выехать в Грецию. Что еще ты хочешь знать?

– Значит, следы обрываются в Германии…

С набитым ртом Сопиков прошамкал, – Ефё нифефо не ифесно!

В этот час в кафе было много людей. Они постоянно сновали в проходах между столиками, заказывали еду, кивали знакомым… Все было обыденно и точно так же, как было всегда… Нет! В тот день все было не так, как было всегда! У меня была цель. А, значит, пространство вокруг обретало краски. Пусть пока это были лишь бледные пастельные тона – все равно: блеклая прозрачность этих невыразительных тонов была лучше, чем унылая серая безнадежность.

Я прекратила смотреть по сторонам и снова уставилась на Сопикова. Он жадно ел, тщательно рассматривая каждый кусок так, как это обычно делают очень алчные, скупые люди. Весь его упитанный вид был преисполнен того поганенького чувства самодовольства, которое для многих значит больше, чем любые достижения. Сопиков был доволен собой: свое положение и жирный кусок еды он никогда не променял бы ни на что. Ведь этот жирный кусок, щедро политый соусом, позволял с легкостью оставить за спиной все высшие (а, значит, такие хлопотные и зыбкие) материи. Я смотрела на него… Мне вдруг стало тоскливо. Вот он, здесь, сейчас, прямо передо мной: отнюдь не ведущий дешевенького развлекательного шоу (смешного шоу, вызывающего больше смеха, чем презрения), а серьезный обозреватель крупного издания, которое имеет вес и голос. Член Союза журналистов. Еще какой-то там член. Уверенный, солидный человек, жадно смакующий собственную упитанность.

Неужели это то, к чему я стремлюсь? Неужели хочу быть

такой же, как он? Упиваться этим жирным самодовольством и с размаху плевать на все остальное? Я тяжело вздохнула. Сопиков этого не заметил. Он и не мог заметить. Он был слишком занят большим куском шашлыка, который с трудом пытался разрезать, и это было самой сложной его проблемой за весь сегодняшний день. Мимо проходящая дама случайно толкнула меня в спину. Что я здесь делаю? Что я вообще делаю? Смотрю, как Сопиков жрет на честно заработанные деньги, полученные за сомнительную историю о никому не нужном директоре провинциального музея? О директоре, которого ждут (а может быть, и оплакивают) только жена и две маленьких дочки?

Я была совсем близко к тому, чтобы встать и уйти. Уйти не оглядываясь, и больше никогда не видеть ни Сопикова, ни ему подобных. Я не знаю, почему не сделала так. Честное слово, никак не могу объяснить. Может, в тот момент в моей памяти вспылили слова из письма (больше похожие не на слова, а на толчок), о том, что мне будет легче заниматься этой историей, собирая информацию по крупицам, потому, что я никогда не была связана ни с криминалом, ни с политиками, ни с грязными историями из настоящей жизни. Впрочем, это было не все. Было еще одно обстоятельство, медленно всплывающее из глубин подсознания (интуиция?), до тех пор, пока не вышло на поверхность… Вот это – верней всего: благодаря мысли, пришедшей мне в голову, я уже не могла встать и уйти. Закончить разговор с Сопиковым было

проще всего, а я никогда не искала легких путей (возможно, это и было моей главной трагедией). Я пристально посмотрела на своего собеседника и сказала:

– Сопиков, а с кем Виктор Алексеев выехал за границу?

Следом за этим вопросом раздался звук. Честно говоря, странный звук, металл по стеклу… Это Сопиков уронил обратно в тарелку нож и вилку.

– Ка… а… какой еще Алексеев?

– Как это, какой, Сопиков? – улыбаясь, по возможности обворожительно, я с удовольствием отмечала про себя, что Сопиков демонстрирует, по меньшей мере, нервозность, – Тот самый директор музея, о котором ты так хорошо информирован! Неужели Алексеев один выехал в Грецию? Никогда в это не поверю! Люди подобного типа редко бегут в одиночку! Обычно их к этому подговаривают. Наверняка он сбежал со своей любовницей, а? Ну признайся, Сопиков, ведь визу в Грецию выдавали на двоих человек? Или, все-таки, на одного?

Сопиков с шумом втянул в себя воздух и начал багроветь, как стоящий перед ним стакан вина.

– Я не понимаю! Какое отношение это имеет к моему рассказу?

– Самое прямое. Я хочу знать, выехал (то есть сбежал) Алексеев один или с любовницей? И с кем он был зарегистрирован при въезде в Грецию?

– Что за вздор ты несешь?! – Сопиков легонько хлопнул

рукой по столу (скорей от растерянности, чем от возмущения), – Наверное, я сделал ошибку, вообще согласившись разговаривать с тобой об этой истории! Всеми забытой истории! Которая никого уже не интересует! Ты нагло пристаешь с глупыми вопросами, перевираешь полностью смысл сказанного мной и пытаешься извратить ситуацию в каком-то странном русле…

– Сопиков, Бог с тобой! Чего ж ты так бесишься? Я задала самый простой, невинный вопрос – только и всего! Что ж ты так сильно рассердился? Нервничаешь, весь красный, руки дрожат. Что случилось? Неужели ты не знаешь, с кем уехал Алексеев? Нет, допустить подобное я просто не могу! Предположить такое – значит, смертельно оскорбить тебя, так точно и серьезно работающего с любым фактическим материалом! А, тем более, с фактами такой нелицеприятной истории! Ты ведь так тщательно проверяешь всю информацию! Согласовываешь все сведения! Так неужели ты…

– Хватит юродствовать! – Сопиков почти визжал, голос пронзительный, как у поросенка и было это ужасно смешно (у такого солидного человека такой поросячий визг). Я быстро отвела глаза в сторону, чтобы не рассмеяться, – Да узнавать такие грязные подробности просто не пришло мне в голову! Это же ужас – искать во всем грязь! У нас крупное солидное издание, а не грязный, желтый, бульварный листок! Мы не позволяем себе копаться в грязи!

Сопиков закашлялся, залпом выпил бокал вина, потом от-

дышался и продолжил более спокойно:

– Я понимаю, почему тебя так интересует именно этот вопрос. Ты привыкла копаться в грязи. Как и большинство работников телевидения, ты привыкла к грязи и эту мерзость ты уже никогда не сможешь с себя отмыть. Следует только один раз взглянуть на твою передачу, чтобы понять, чего ты стоишь. Да от тебя несет грязью за километр, как от вокзального бомжа, и ты распространяешь вокруг себя зловоние! И сколько бы ты не прыскалась дорогими духами, ты все равно воняешь, как и твоя дешевая передача! И чтобы ты ни сделала, это все равно будет вонять! Признаться честно, занимаясь историей о сбежавшем директоре музея, я думал о более высоком, светлом. Я думал о человеке, так гнусно предающем свою страну, свое правительство, превращающем работу (занятие историей) в какой-то грязный фарс. Я думал, насколько низок такой поступок и как важно выносить подобные личные поступки на общественное осуждение, чтобы общество и коллектив знали в лицо подобных негодяев, разбирали их по косточкам, наказывали презрительным отношением к ним и семьям таких перебежчиков… Вот о чем я думал, а не о какой-то грязи ниже пояса, наподобие того – один он уехал или нет! Люди моего положения не думают о такой низости!

Сопиков замолчал. Его глаза рыскали по сторонам как мыши, попавшие в стеклянную банку. Он так тревожно ждал того, что я скажу в ответ на его внушительную тираду, что

мне стало не по себе. А я… Я просто утонула в потоке его красноречия! Вот кому бы работать на телевидении в развлекательном шоу! Как чешет языком – ну, просто с ума сойти!

Я поняла все, как только он договорил до точки. Я поняла абсолютно все, и это понимание чуть не подбросило меня на стуле, как сильный разряд электрического тока. Дело в том, что Сопиков не знает, один выехал в Грецию Виктор Алексеев или нет! Сопиков понятия не имеет! Об этом факте его не проинформировали. Либо забыли, либо посчитали, что о подобном никому в голову не придет спрашивать, что незначительная история сама собой затихнет вдали и исчезнет в прошлом, как на воде исчезают круги. Сопиков не был готов к тому, что кому-то захочется копаться в бегстве директора провинциального музея и теперь он просто не знает, что ему говорить. Я застала его врасплох. Этим объясняются и нервозность, и оскорбления в мой адрес, и бегающие глаза… Сопиков ничего не знает! Но, если это так… Значит….

– Успокойся, Сопиков! Я совсем не хотела тебя обидеть!

– А по-моему, хотела!

– Нет, конечно нет! Успокойся! Ты говорил, что большинство информации передал тебе ваш провинциальный корреспондент…

– Я сам тщательно работал с фактическим материалом!

– И посчитал этот факт незначительным…

– Именно! Точно! Незначительным! – Сопиков бурно обрадовался подсказке, – Конечно! Я посчитал этот факт со-

всем мелким и незначительным и не подумал, что такой грязной мелочи стоит уделять внимание!

– Конечно. Я понимаю. А этот корреспондент – он часто передает информацию в ваше издание?

– Время от времени, если в N-ске произойдет что-то интересное. Происшествие с директором музея показалось мне интересным.

– Были отклики на твой материал?

– Только положительные!

– А жена Алексеева? Ты беседовал с ней?

– А зачем? Что это изменит? Нет, я не счел нужным ей звонить. Кстати, после выхода моей статьи она тоже не позвонила. Наверное, уже знала правду. Я использовал настоящие фамилии, но прошлой семейной жизни Алексеева касался весьма корректно.

– Понятно. И ты не сомневаешься ни в чем?

– Нет, конечно! Но, я не понимаю… Может, ты как-то объяснишь свой повышенный интерес?

– О, это легко! Историю о сбежавшем директоре раскопала одна из моих редакторш, но, прежде чем ее использовать, я решила выяснить, что к чему. А ты, все-таки, первоисточник…

– Вот именно! И, если ты будешь делать такую передачу, ты просто обязана меня пригласить!

– Ну, конечно! Обязательно приглашу.

– И Горянского?

– А вот насчет этого я не знаю Я не знаю, какие отношения и счеты у нашего продюсера с Горянским.

– Хорошие, можешь не сомневаться. У Горянского со всеми хорошие отношения!

– Если так, тогда приглашу. Но я не уверена, что буду делать такую передачу. Скорей всего, нет. Тема исчерпана, закрыта… Ты ее полностью исчерпал!

– Вот именно! Со мной тягаться трудно.

Сопиков себя очень любил. Мы распрощались довольно быстро, для приличия поболтав о пустяках. Сопиков потеплел, узнав, что я не собираюсь составлять ему конкуренцию. Я вышла из кафе, весьма довольная собой. Я узнала важную информацию: оказывается, Сопиков тайно работает на Горянского, ведь именно Горянский поручил Сопикову написать статью о пропавшем директоре музея. Разумеется, получив такую «указку сверху» никакую информацию Сопиков проверять не стал. Проверять даже не пришло ему в голову. И писал он так, как ему диктовал Горянский. И еще, у моего продюсера тоже есть с Горянским какие-то тайные дела, о которых Сопиков, как доверенное лицо, знает, а я нет, хотя и сплю с этим самым продюсером. Возможно даже, вскоре произойдет очередной «передел собственности» и Горянский после раздела собирается получить часть нашего канала. Все может быть. Впрочем, такие подробности меня уже не интересуют. Меня интересует другое: почему высокопоставленный богач Горянский вдруг заинтересовался судьбой

ничтожного директора провинциального музея? Какое ему дело до всей этой истории? Я вспомнила письмо… Автор открыто писал о том, что все статьи, вся шумиха в прессе делались с одной целью – переключить внимание, отвлечь это неудобное общественное мнение, направить его на другое. Как странно… Более, чем странно…

Я стала вспоминать то, что знаю о Горянском, и вдруг поняла, что, несмотря на то, что знаю его в лицо, слышала о его предполагаемых общественных делах, знаю наизусть все его должности (одной из них он особенно гордится – депутатской), я не знаю о нем ничего. Безликий серый политик. Ничем не примечательное лицо – без пола и разума. Таких масса. Никаких отличительных черт. Все серое, смазанное, казенное, немного советское. Таких очень много, особенно в политических кругах. Ничего не сделает, ничем не проявится, пройдет его время – исчезнет и никто о нем не вспомнит. А место его займет точно такой же.

Впрочем, я слышала, что он богат: какой-то преуспевающий бизнес, связанный с «подъемом отечественного производителя». Но это богатство, вроде бы, чистое (если уж конкуренты не выкопали грязь перед выборами, может, этой самой грязи и нет)? Может ли эта безликая стандартная фигура быть связанной со скандальным делом? Депутат… В мозгах моих что-то щелкнуло. Я остановилась посреди шумного квартала, лихорадочно хватая мобильник. Депутат!

– Алло? Сара Янг? Я забыла задать вам очень важный во-

прос! Как фамилия депутата, у которого Поль брал последнее интервью? Да, то самое интервью, после которого он погиб? К кому он ездил? Как его фамилия?

Я услышала четкий голос:

– Горянский.

Я вернулась в студию в отвратительном расположении духа. Разговор с Сопиковым выбил меня из колеи. Будучи довольно вспыльчивым человеком, я с трудом могла переносить оскорбления и хамство, и сама удивилась тому, что не вылила все вино из бутылки Сопикову на голову. Очевидно, я была задета этим письмом больше, чем сама думала. И, горя нетерпением поскорее приступить к своей цели (то есть распутыванию истории), я была так сильно увлечена этим, что все остальное просто теряла за какой-то стеной. Распутывание истории…. Конечно, звучит гораздо заманчивей, чем тот бред, который я несла в камеру каждый день. Но, прежде чем приступить к главной части (а именно, к распутыванию), следует выяснить самое важное: существует эта история как таковая или нет?

Что я выяснила с Сопиковым? Очень странные нити, которые тянутся не только в N-ский замок. Еще то, что Сопиков лжет. Каждое его слово – ложь, но только вот непонятно, по какой причине он лжет? Сознательно или нет? Если ему приказали повторять все то, что он говорил мне – значит Сопиков лжет бессознательно, автоматически, так, как лгал всегда. Если же Сопиков сам принялся анализировать

кое-какие факты и пропажа директора музея показалась ему сомнительной, тогда он лжет сознательно, покрывая себя и тех, кто стоит за ним. В этом случае ситуация намного хуже: почуяв, что от моих расспросов может запахнуть жареным, Сопиков поспешит поставить в известность своих хозяев, и тогда…

А что – тогда? Я еще ничего не делаю, только расспрашиваю! Даже если Сопиков сомневается в пропаже, одних моих расспросов слишком мало, чтобы насторожиться. К тому же, история о редакторше, которая копалась в старых газетах, выглядит очень убедительно. Так мы поступаем всегда. Что же остается мне? Ждать! Продолжать делать то, что я делаю и ждать. Только в этом случае я увижу, как станет развиваться ситуация дальше. В любом случае, я не обнаружила той гладкости и слаженности в фактах, которая может показать ясней любых слов, что полученное мною письмо – фальшивка. Если так много вопросов возникает в начале, что же будет в конце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.